Зеленая ветвь театра

Правда, 1983, 3 мая

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

Каждый вечер, когда спектакль набирает силу, в боковой ложе у сцены появляется человек внушительной осанки, внимательный, собранный. Глаза его испытующе поблескивают за толстыми стеклами роговых очков. Изучающий взгляд — на актеров, потом на зрителей. Чуткое вслушивание. Люди — на сцене, люди — в зале: как они сейчас связаны, идет ли ток по невидимому проводнику, ток общения, без которого нет живого драматического искусства?

Человек в ложе — главный режиссер Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького Георгий Александрович Товстоногов. Вот уже более 25 лет возглавляет он эту труппу, неизменно, каждой новой постановкой вызывая обостренное внимание критики и благодарный интерес зрителей. Почти все его спектакли подробно описаны, разобраны в рецензиях, статьях, специальных монографиях. Кажется, уже можно было бы и угомониться, а он, остро чувствующий время и его запросы, движение самого искусства, находится в непрерывном, неутоленном гражданском, художническом поиске.

Сама жизнь в ее вечной изменчивости перенесена им на сцену в десятках спектаклей, поставленных по произведениям современников и классиков. Сама жизнь, во всегда увиденная сквозь тот «магический кристалл» режиссуры, который позволяет ей предстать в незамутненной, а в то же время преображенной гармонией большого искусства.

Спектакли Георгия Товстоногова связаны внутренним родством, единством режиссерского взгляда на природу и призвание театра, сущность драматургии, основы ее сценического истолкования. В каждом из них Товстоногов открывается словно заново. Не отнюдь не в стремлении любыми средствами утвердить себя, поразить каким-нибудь неожиданным постановочным трюком, а в попытке предельного, как ему представляется, постижения того, что именно хотел сказать драматург, и чем это, сказанное им, может быть дорого и необходимо людям сегодняшнего дня. В этом поиске режиссер добирается до такой сокровенной сути характеров и конфликтов, которая сообщает его спектаклям провидительную силу правды, ведет зрителя к постижению важнейших нравственных законов жизни человеческого духа.

Главный режиссер БДТ, как сокращенно привыкли называть ленинградцы Большой драматический театр имени М. Горького, обладает редким мастерством глубокой проходки драматургических пластов пьесы, проникновения в авторское видение, в то, что он сам определяет как природу чувств.

— Мы никогда не спутаем,— говорит Георгий Александрович, — героев Гоголя и Достоевского, Толстого и Шекспира, Чехова и Шолохова. У каждого из этих писателей свой мир, и герои их по природе своих чувств далеко отстоят друг от друга. И тут не исторический курьез, не досадная случайность, когда один творческий гений отказывается понять художественный мир другого, как, например, произошло с Толстым в его отношении к Шекспиру. Но театр обращается и к тому, и к другому и должен постигнуть тайну несходства художественных галактик. А для сцены это значит, что и со зрителем герои разных авторов общаются по-разному. Как же? Но вот здесь и заключается, на первый взгляд, такая простая, самоочевидная, а в действительности всегда труднейшая задача, которая может быть решена режиссером только вместе со всеми, кто участвует в создании сценического произведения, и прежде всего с актерами.

Георгию Александровичу принадлежит заслуга выведения на орбиту целого созвездия первоклассных талантов, которые ныне известны всей стране. Но неизменно это было результатом не только проницательного распознавания, выбора актера на роль, а и закономерным итогом общего режиссерского решения спектакля, которое обнаруживало потаенное, подспудное богатство каждого образа и позволяло чуткому артисту поднять свою работу на уровень художественного открытия.

Так произошло при работе над постановкой «Идиота» по роману Ф. Достоевского и образом князя Мышкина. Эту роль режиссер поручил Иннокентию Смоктуновскому, талант которого до этого не разглядел и отверг не один театр. Но вот неизвестный актер вышел на сцену, и автор этих строк, как и все зрители, испытал подлинное потрясение на премьере спектакля, ставшего ныне почти театральной легендой.

Так, совсем молодая тогда Татьяна Доронина, впервые выступавшая в большой роли классического репертуара, в роли Надежды Монаховой («Варвары» М. Горького), словно бы без усилий вошла в ансамбль ведущих мастеров БДТ. В роли Надежды она заставляла зрителей одновременно и восхищаться, и смеяться, ибо в ее героине человеческая прекрасное, благородно-романтическое выявлялось под наслоением дремуче наивного, нелепо провинциального. Такой сплав характера, судьбы и обстоятельств жизни человека помог актрисе выявить режиссер, прочитавший Горького по-горьковски.

Так, в спектакле «Не склонившие головы» Павел Луспекаев в роли негра и Ефим Копелян в роли белого, скованные одной цепью, захватывали зрительный зал поединком ослепляющей ненависти, а затем торжеством рождающегося чувства братства отверженных. И опять-таки им помог режиссер, показав крупным планом трагедию простых американцев, подняв ее до символа больного, обезумевшего мира и гуманистического призыва к человеческой солидарности.

Порой может показаться, что БДТ просто везет на актерские дарования. Но знакомство с творческими биографиями и тех, кто связан с труппой многие годы, и тех, кто пришел в нее вчера и приходит сегодня, свидетельствует о другом: судьба, как говорится, улыбается артисту, когда он выступает сотворцом того романа жизни (определение Товстоногова), каким должна стать для него предложенная ему в этом театре роль. В таком случае талант актера, помноженный на талант режиссера, обретает реское новое качество. Как в было с Евгением Лебедевым, Кириллом Лавровым, Владиславом Стржельчиком, Олегом Басилашвили, Сергеем Юрским, Николаем Трофимовым и другими.

Через актера учил идти к постижению и выражению правды жизни на сцене Станиславский. Через актера продолжал поиски театральной выразительности и покоряющей убедительности Вахтангов. Заветам, школе, методологии великих учителей следует Товстоногов, смело и свободно претворяя в своем творчестве ценнейший опыт советского и мирового театра и не прекращая новых разведок, порой дерзостных, ошеломляющих. Одной из них стала постановка «Истории лошади» по повести Л. Толстого «Холстомер». Через актеров, через безошибочное определение природы чувств данного спектакля Товстоногов соединил, органически слил открытую театральную условность с безусловностью социальных характеристик и широким общечеловеческим философским смыслом толстовской притчи. Средоточием такого художественного решения стал Холстомер в победительном исполнении Евгения Лебедева. Он играет, входя в роль и как бы выходя из нее, свободно, виртуозно, заставляя зрителя до боли сердечной переживать вместе с Холстомером мгновения восторга и ужаса, триумфа и унижения, ликование молодости и трагедию старости...

Первая профессиональная работа Товстоногова была осуществлена ровно полвека назад в Тбилиси, на сцене русского Театра юных зрителей. А до прихода в БДТ он поставил еще более шестидесяти спектаклей в том же Тбилиси, а также в Алма-Ате, Москве, Ленинграде, куда был приглашен сначала главным режиссером Театра имени Ленинского комсомола. Естественно, что не все его работы равноценны. Но лучшие из них вошли в историю советского драматического искусства как его вершинные завоевания, среди которых и постановка в 1956 году «Оптимистической трагедии» В. Вишневского на сцене Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина, удостоенная Ленинской премии.

«Свежими очами», как и призывал Гоголь, был прочитан его «Ревизор», но также и «Горе от ума» Грибоедова, уже упоминавшиеся «Варвары» и «Мещане» Горького. Классика оживает в спектаклях Товстоногова во всей своей жизненной силе, которая и дает ей право на бессмертие.

Движение огромных народных масс и судьбы человеческие в «магнитных полях» революционных бурь вдохновенно и пристально исследовались в спектаклях о новом советском мире. Крупной победой театра стала драматическая хроника «Перечитывая заново» с образом Ленина в исполнении Кирилла Лаврова, отмеченном Ленинской премией. А рядовые участники исторической драмы, как они показаны в спектаклях «Гибель эскадры», «Поднятая целина», «Тихий Дон», «Три мешка сорной пшеницы», «Океан», «Иркутская история», «Протокол одного заседания»! Разве они забываются теми, кто провел с ними несколько часов в затемненном зрительном зале? Они остаются в памяти на годы, становятся или примером, или укором, тревожат воображение и душу. Да и как зрителю остаться равнодушным, если на сцене сама жизнь в напряженнейшем борении страстей, если роли играются с такой предельной самоотдачей, с такой захватывающей трагической силой, как, скажем, играет Олег Борисов Григория Мелехова и председателя сельсовета, инвалида войны Кистерева («Три мешка...»).

Недавно Товстоногов поставил «Мачеху Саманишвили» Д. Клдиашвили, «Амадеус» П. Шеффера и «Дядю Ваню» А. Чехова. И снова — изумляющая непохожесть режиссерских решений, а в спектаклях по-прежнему живет дух творческой неуспокоенности мудрого мастера, и порой также свойственный ему, негасящий молодой задор. И опять в согласном оркестре корифеев БДТ новое поколение талантливых актеров, все время пополняющих труппу — Ю. Демич, А. Толубеев, Е. Попова...

Полубезумный богобоязненный и жалкий честолюбец Сальери, как его с трагической мощью играет В. Стржельчик, коварно воюет с ничего не подозревающим солнечным гением Моцартом. Наверное, самое трудное в искусстве театра передать одаренность да еще такую фантастическую, какой был наделен этот композитор. Но Демич-Моцарт, заряженный вулканической энергией, импульсивный, взрывающийся восторгом и гаснущий в отчаянии, заставляет верить в подлинность своего существования. Спектакль же, выверенный в каждой ноте, изящный, почти изысканный по форме и насыщенный глубоким драматизмом противоборства гения и посредственности,— несомненно, одно из лучших творений режиссера за последние годы.

Режиссерское мастерство народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий Георгия Товстоногова известно и ценимо не только советским зрителем. Его постановкам аплодировали в Польше и Венгрии, Финляндии и ФРГ, в Аргентине и Болгарии, Англии и Франции, Греции, ГДР и других странах. В ряде зарубежных театров он ставил спектакли, получившие самые высокие оценки критики и зрителей. Как педагог он вырастил уже не одно поколение мастеров режиссуры. Как теоретик, раздумывающий над законами, природой и дальнейшим развитием любимого искусства, он написал несколько глубоких книг.

...Наступает вечер. В Большом драматическом идет спектакль. И вновь в ложе у сцены появляется режиссер. В одной из своих статей он обращался к театральным коллегам: «Мы можем спорить, расходиться во взглядах и вкусах, идти к признанию разными и неожиданными дорогами. Но есть одна великая истина и великая загадка: все вкусы сходятся, все симпатии объединяются перед лицом большого искусства».

Сам Товстоногов знает эту великую истину и умеет разгадывать эту великую загадку. И потому всегда так свежа, хотя идут годы, зеленая ветвь его театра.

Георгий КАПРАЛОВ.